

The illustration depicts a scene from a fantasy story. In the foreground, a young man with dark hair, wearing a red tunic and brown trousers, sits on a large, dark rock, looking towards the left. In the background, a large, gnarled tree trunk is visible. A woman with long, flowing blonde hair and a blue, shimmering, scale-like dress is perched on a thick, horizontal branch of the tree. She has a serene expression and is looking down. The background is a warm, orange-hued landscape with rolling hills and a bright, glowing light source, possibly the sun or moon, creating a dreamlike atmosphere. The overall style is painterly with visible brushstrokes and a rich color palette.

ЕВГЕНИЯ ШТОЛЬЦ

ДЕМОНОЛОГИЯ САНГОМАРА

УДАВ И ГАДЮКА

фэнтези

МИО

МИФ Проза

Евгения Штольц

**Демонология Сангомара.
Удав и гадюка**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2024

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Штольц Е.

Демонология Сангомара. Удав и гадюка / Е. Штольц — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2024 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00214-322-1

Прошло тридцать лет с суда в Йефасе, после которого Уильям решил начать новую жизнь на пороге Юга, в Ноэле, под другим именем – Юлиан. Он ведет спокойную и размеренную жизнь, но прошлое все еще лежит тяжелым грузом на его сердце. Меж тем на южном горизонте зреют тучи, в пучинах океана пробуждается древний Спящий, а в кулуарах Южных земель плетутся интриги. И кажется, что весь мир пульсирует в предвкушении чего-то великого. К каким последствиям это приведет?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00214-322-1

© Штольц Е., 2024
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2024

Содержание

Глава 1. Спящий	8
Глава 2. Наследие одиночества	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгения Штольц

Демонология Сангомара. Удав и гадюка

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Евгения Штольц, 2024

© Алексей Попов, 2024

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

У гадюки с удавом битва страшна –
Бьются они за розу терна.
И вот из норы грустно смотрит гадюка,
Без зубьев она не опасней пичуги.
Зубья остались в шкуре удава –
Тот жив, но зол и снедаем отравой!

Глава 1. Спящий

Спустя тридцать лет после событий в Йефасе, Ноэльское графство

Весеннее солнце склонилось к горизонту, и с моря задул сильный ветер. Под его порывами заколыхались ветви сосен вместе с зарослями голубого олеандра. Где-то вдалеке протяжно закричала пустельга. Крик стал ближе, затем резко затих, и мгновение спустя птица камнем устремилась к земле, атакуя полевку, промелькнувшую меж сосновых корней.

В синих глазах мужчины зажглось любопытство, и он ненадолго отвлекся от разговора со своим собеседником. Прищурившись, он залюбовался зрелищным полетом хищницы. Пустельга Ноэля раскрыла крылья лишь у самой земли, выставила вперед когти и уже с добычей устремилась вверх, к ветвям высоких сосен, чтобы поужинать. Он проводил ее взглядом, а после вернулся мыслями к разговору с гостем, прибывшим в поместье Лилле Аданов по монетным вопросам.

– Господин ло Ксоуль, ваше предложение весьма интересно, но я вынужден в очередной раз отказать, – наконец произнес Юлиан.

После этих слов последовал шумный выдох. Лицо седовласого гостя на миг скривилось от негодования, но он быстро взял себя в руки и вновь принял спокойный вид.

– Я вас понимаю, господин Лилле Адан, ведь ваш Цветочный дом уже более двух веков занимается банковской деятельностью. Однако...

– Однако что, господин ло Ксоуль?

– Хм. В последние годы на юге, в Айрекке и Дюльмелии, пошли по очень рациональному пути и позволили заниматься частной банковской деятельностью. Знаете об этом?

– Слышал.

– Собственно, хочу заметить, что поток монет в казну благодаря полученным от этого дела налогам заметно увеличился.

– Господин ло Ксоуль, – улыбнулся Юлиан, – мы обязательно подумаем о вашем предложении по поводу снятия ограничений на прием сбережений и выдачу займов нашим подданным...

Мохнатые брови Авгусса ло Ксоуля в очередной раз сошлись на переносице, а руки скрылись под расшитой олеандрами накидкой, чтобы не выдать охватившее его волнение.

– ...но у нас собственный опыт, весьма успешный, – продолжил граф. – Цветочный дом известен как на Севере, так и во многих землях Юга.

– Да, спору нет...

– И он символ и олицетворение безопасности и надежности, поэтому система останется неизменной. По крайней мере, пока.

– Но мир меняется, и нужно уметь подстраиваться под него, господин Лилле Адан! Ваша матушка... она приверженица старых порядков, однако в вас я вижу того, кто готов не стоять на месте, держась за постылые образы, а идти в ногу со временем! Снятие ограничений лишь увеличит приток золота в ваши кошельки.

– Увы, господин ло Ксоуль. Прошу передать другим членам купеческой гильдии, что мы отказываем в вашей просьбе.

Снова тяжкий вздох.

Купец Август ло Ксоуль, который уже не первый год вместе с представителями гильдии желал вложиться в собственный частный банк, развел руками и, поджав старые губы, тоскливо поднял взор к небу, к тучам.

– Ну что ж, по крайней мере, я попытался... Быть может, вы передумаете, когда это веяние коснется и Детхая, – по его губам скользнула печальная улыбка из-за упущенной выгоды. – Я премного благодарен, что уделили мне время, ваше сиятельство.

– Всегда пожалуйста. Чуете, бриз сменился на феллский ветер?

– Да, да, погода у нас – дитя весьма капризное... Вы правы, нужно поспешить в Луциос, пока фелл не обрушился проливнем. Да и я отвлек вас от дел своим неожиданным визитом.

– Ничего страшного. Хорошей и светлой вам дороги, – Юлиан кивнул, отчего прядь с серебристой трубочкой упала на глаза. Он поправил ее привычным жестом и громко позвал: – Кьенс!

Из небольшой постройки показался костлявый слуга. Вежливо поклонившись, Кьенс отведенной в сторону рукой намекнул, что готов сопроводить гостя до выхода.

Глаза купца зыркнули на графа с едва скрываемым недовольством.

– Да осветит солнце ваш путь! – произнес он.

Юлиан проводил купца взглядом и, когда тот скрылся за особняком, направился по выложенной камнем тропинке к морю. В небе рычал гром, предвещавший непогоду. Тогда вампир заторопился и стал спускаться с холма, поросшего соснами, зарослями можжевельника и россыпью голубых олеандров. Свинцовая туча продолжала наползать с гор по правую руку от особняка, обещая вот-вот разразиться ливнем, хотя всего час назад в небе не было ни облачка. Впрочем, столь быстрая перемена погоды для Ноэльского графства была делом обычным, поэтому ноэльцы дождей не боялись. Привыкли.

У выхода стоял стражник с алебардой. Он поприветствовал господина поклоном и отпер калитку. Поблагодарив его, Юлиан направился по ковру из хвои к каменистому берегу, спрятанному за рощицей сосен. Морской ветер играл его смоляными волосами, трепал половинчатые рукава рубахи. Подойдя к кромке прибоя, он вгляделся в посеревшие воды бухты Нериум и только решил уж было позвать Вериателюшку, свою любимую Вериателюшку, по которой жутко соскучился, и дочь-безобразницу Мафейю, как в небе снова громынуло. Туча прорвалась ливнем. А из-за дальнего одинокого камня, почти притопленного приливом, вдруг показалась рука. Рука была отчасти похожа на человеческую, но имела когти и бледные вытянутые пальцы, между которыми просвечивали перепонки.

Граф махнул рукой, подзывая.

От камня что-то скользнуло по направлению к нему. Вскоре вместе с набежавшей высокой волной на берег выползло существо, похожее на человека и одновременно на змею. Нижняя его часть была полностью змеиной, покрытой черной блестящей чешуей с белесыми полосами, а вот верх укрывался чешуей лишь отчасти. Лицо, живот и шея были чисты и выглядели

совсем человеческими; даже оттопыренные уши с жабрами тут же прижались к голове, перестав быть заметными.

Едва пригнувшись, касаясь длинными пальцами камней, существо грациозно ползло по берегу, пока не распрямилось перед Юлианом. Настороженные желтые глаза смотрели не мигая.

– Здравш-штвуй, благошловленный водой, – сказал чуть шипяще наг. На миг показался его раздвоенный язык.

– Здравствуй, Нью Кха, – произнес Юлиан.

– Я ждал тебя...

Ливень стих так же резко, как и начался, и выглянувшее солнце заиграло на сверкающей от капель воды чешуе. Юлиан посмотрел на море, которое, точно по волшебству, переменило цвет с серого на ярко-лазурный. Там, за далекими камнями, прятались и другие наги. Их было много – порядка двадцати или тридцати особей. Некоторые казались совсем детьми.

– Вас очень много. Что случилось, Нью Кха?

– Ш-шпящий на дне... Я хочу предупредить тебя, благошловленный водой.

– Он проснулся?

– Прош-шипается... Пошле зимы он перевернулся несколько раз во сне. А пару дней назад из его глотки донесся рык. Он очень голоден и приш-шла пора кормиться...

– Но ведь прошло лишь четырнадцать лет, а не пятнадцать, Нью Кха.

Нью Кха не подсчитывал проведенные в море годы, поэтому то, что Спящий проснулся на год раньше положенного, его совсем не смутило. Даже наоборот, он посмотрел на Юлиана с легким осуждением.

– Но он прош-шипается... Мы не ош-шибаемся... Может быть, он мало поел в прош-шное пробуждение...

– Вы покидаете море?

– Да... – снова прошипел Нюй Кха. – Мы поднимемся по реке к темным горам. Там переползем в Больш-шое озеро и будем жить до зимы. Пока Ш-шпящий не вернется в Мертвый желоб...

– Когда и где вы достигнете перехода по земле?

Наг задумался. Кончик его черного чешуйчатого хвоста задрожал, а уши вновь оттопырились, обнажая жабры. Убрав мокрую прядь черных волос с лица, Нюй Кха посмотрел на друга.

– Три... или четыре ночи, – наг еще раз вскинул к небу глаза, чтобы не ошибиться. Он почти не умел считать. – Мы покинем реку там, где выш-шокие и штройные деревья сменяются темными и низкими, а острая гора прячет за собой круглые горы поменьш-ше.

– Хорошо, Нюй Кха, я тебя понял... Я буду там и помогу сопроводить вас от реки Луцци до озера Иво, чтобы переход прошел без неприятностей. Я благодарен тебе за то, что ты предупредил меня о Спящем.

– Ты благошловлен духами воды, которых мы чтим так же, как и Ш-шпящего. Поэтому мы уважаем и тебя. – Наг приложил руку к животу в почтительном жесте и обполз Юлиана по кругу. – Ш-шпящий проснется со дня на день...

– Вы не пытались с ним договориться?

– Нет... Если духи воды могут пощадить при вш-штрече, то Ш-шпящий не щадит никого, – грустно заметил наг. – Его желудок подобен бездне, и он безжалостно пожирает все, ш-што попадает на пути...

Граф протянул Нюй Кха руку для прощания. Тот неуверенно подал в ответ свою, с ког-тистыми пальцами. На миг желтые глаза подернулись мигательной перепонкой.

– До вштречи, благошловленный водой... – прошипел наг.

Уже у самой кромки берега, когда хвост погрузился в воду, он оглянулся. По его бескров-ному лицу скользнула улыбка, обнажившая острые зубы и раздвоенный тонкий язык, и вскоре он исчез вместе со своей многочисленной родней.

Юлиан долго смотрел на слепящий блеск моря, на ясное небо, уже без единого намека на дождь, на горы по правую руку и на далекую-предалекую верфь, что примостилась у входа в бухту. Обеспокоенный известиями, он зашагал обратно вверх по холму, через кованую калитку – к особняку. Тропинка виляла среди пышных цветов, вдоль скамеек, устроившихся под сенью сосен, между пристройками. Трехэтажный особняк, возведенный из темно-серого, почти черного камня, глядел, точно глазами, большими прямоугольными окнами, а у его стен вился по решетке дикий плющ, подползая под самую крышу.

Из-за угла дома показался Кьенс. Он покорно взглянул на графа, молчаливо спрашивая, не надобно ли чего-нибудь.

– Кьенс, попроси конюхов подготовить лошадь.

– Сколько сопровождающих, тео Юлиан?

– Нисколько.

– Как скажете...

Дом окружали лорнейские сосны с пышной кроной. Едва насквозь промокший Юлиан подошел к двери, как ее распахнул безликий страж в серых шароварах, белой рубаше и подпо-ясанный голубым кушаком. Привычно поблагодарив, граф направился по коридору, устелен-ному дорожкой с бежево-бирюзовым орнаментом, к лестнице, ведущей наверх.

– Юлиан... – до ушей графа донесся тихий голос.

Улыбнувшись, он опустил уже занесенную над ступенькой ногу и прошел в зал.

У камина сидели в креслах Мариэльд де Лилле Адан и мужчина с проседью на висках. Оба откинулись на спинки, общаясь в некоторой лености, присущей знати.

На плечах мужчины лежала красная бархатная пелерина, соединенная на груди тремя золотистыми цепочками, а под накидкой виднелось простое мышино-го цвета платье с кожа-ным ремнем. И стоячий воротник, и манжеты украшали одинаковые золотые пуговицы, правда

слегка стершиеся – и оттого тусклые. Несмотря на всю простоту одеяния, было в нем что-то настолько величавое, что рядом с Мариэльд де Лилле Адан он казался пусть и не равным, но близким. Даже болезненность бледного лица, не тронутого ноэльским загаром, и темные круги под впалыми глазами не уменьшали его импозантности, а, наоборот, добавляли.

– Да, матушка... – произнес Юлиан.

– Чем вызвана торопливость твоей походки, сын мой? Неужели Августус лорд Ксоуль убедил тебя помочь ему преувеличить свое состояние? – по губам графини скользнула саркастическая улыбка.

– Нет. Конечно же, я отказал, матушка. Изменение действующей системы никак не отразится на обычных жителях. Лишь перераспределит золото между нашими кошельками и кошельками купцов.

– Так в чем же дело?

– Наги сообщили, что Спящий вот-вот проснется.

Темно-серые, но удивительно живые глаза мужчины загорелись любопытством, и он захлопнул книгу по алхимии.

– Ты отправишься в порт? – спросила графиня.

– Да, матушка, в Луциос. Как только подготовлю необходимые бумаги, – граф покрутил кольцо-печатку на пальце.

– Понятно. Значит, снова ждать толпу негодующих глупцов у ворот особняка, – Мариэльд склонила седую голову набок и обратилась уже к сидящему рядом собеседнику: – Вицеллий, ты, кажется, хотел прогуляться вдоль моря.

– Да, моя госпожа. Буду рад, если вы составите мне компанию. Раз уж Юлиан сегодня занят, – на секунду Вицеллий взглянул с укором.

– Я полностью в вашем распоряжении. Но только завтра, учитель!

И граф оставил их, поднявшись по лестнице на второй этаж. В Ноэле он жил уже три десятилетия, но каждый раз, когда открывал дверь кабинета, ему казалось, что за столом из орехового дерева он увидит... графа Тастемара. И каждый раз Юлиан вздрагивал от одной мысли об этом. Привычно вспомнив события тридцатилетней давности, он нахмурил брови, энергичным шагом подошел к столу и, не садясь в кресло, принялся оформлять документы. Отложив писчее перо, он извлек из глубины нижнего ящика бархатный мешочек с кольцом и поставил гербовую печать на бумагу.

Юлиан навел порядок на столе, за которым привык работать по утрам, и снова вернулся в коридор. Там он вспомнил о том, что хотел сменить промокшую от дождя одежду. Из коридора граф поднялся по лестнице на третий этаж, где располагалась его спальня, и вошел внутрь. В мягком кресле цвета бурного моря сидела, подтянув колени к подбородку, Фийя. Прищурился одним глазом и высунув язык, она пыталась попасть ниткой в иголку, а между колен зажимала мужскую рубаху. При виде Юлиана она подскочила, рассеянно улыбнулась и положила так и не вдетую нитку с иглой на низкий столик, стоявший рядом.

– Тео Юлиан, что-то случилось? – удивленно спросила айорка, заметив, что граф чем-то обеспокоен.

– Ох, ночью расскажу, Фийя... Сейчас нет времени. Будь добра, подай наряд для города.

– Конечно, конечно...

Айорка подбежала к огромному сундуку и принялась доставать оттуда необходимые вещи. Ее руки порхали.

Вскоре, переодевшись под пристальным взглядом раскрасневшейся женщины, Юлиан вышел на улицу. Там его ждал оседланный конь, нетерпеливо бьющий копытом о землю. Вскочив в седло, Юлиан послал его рысью к распахнутым воротам и помчался по ровной дороге к Луциосу. В воздух взметнулась прибитая феллским ливнем пыль.

Граф растворился в роще ягодного тиса, скрывавшего особняк Лилле Аданов от любопытных взоров путников с тракта Аше'Элья. Тис облюбовал ноэльские склоны, и именно из этого негниющего хвойного дерева, причем весьма ядовитого, строились торговые корабли на верфях рядом с мысом Голубого Когтя.

– Тарантоша, скоро закат! Нам нужно быстрее попасть в порт!

Жилистый гнедой конь, отдаленно напоминающий своей вредностью дикого мерина сэра Рэя, фыркнул и ускорился. Вынырнув из объятий тисовой рощи, граф оказался на широком тракте, который вел к спрятанному в бухте Луциосу, главной морской артерии Ноэльского графства.

Живописная бухта была изогнута и незаметна со стороны моря, и лишь высокий маяк на мысе указывал вход. Однако о портовом Луциосе знали все и на Юге, и на Севере, поэтому капитаны находили фарватер практическую вслепую, благодаря соседству с Лилейским островом, служившим своего рода ориентиром.

На большаке царило привычное оживление. Груженные товарами и бочками повозки тянулись по направлению к Луциосу и от него. Дорога пролежала меж виноградных плантаций, и если бы Юлиан развернулся и поехал не на юго-запад, а на северо-восток, то прибыл бы в винную столицу всего Севера, в город Аше'Элья. Там делали самое дорогое и изысканное на Севере вино – «Королевское розовое».

Поглаживая холку Тарантона, Юлиан смотрел то влево – на оцелованные солнцем виноградные плантации, то вправо – на светлые воды бухты Нериум. Вдоль тракта россыпью ютились деревушки, жители которых с утра до ночи были заняты на полях. Морской бриз играл с короткими волосами графа и его светло-васильковым плащом. Где-то впереди, между тянувшимися встречной вереницей подводами, он разглядел знакомое лицо с крючковатым носом и мохнатыми бровями, доходившими до кромки волос. Мужчина был уже в возрасте, но по ноэльски сухой, худой, с гладковыбритыми подбородком и щеками. Казалось, что ленно развалившийся на облучке возничий тоже был обласкан бризом и даже прикрыл глаза, смакуя всем телом благодать прекрасного весеннего вечера. Наконец он открыл глаза и увидел Юлиана. Когда конь поравнялся с повозкой, пожилой мужчина привстал с сиденья.

– Тео Юлиан! Да осветит солнце ваш путь! Вы в Луциос?

– Да, Мильер. Не слышал в городе никаких странных или необычных новостей?

– Нет, все спокойно вроде, тео... – озадаченно ответил тот и почесал плешистую макушку. – Да, тихо и мирно...

– Хорошо, Мильер. Поторопись, скоро стемнеет.

– Конечно, тео Юлиан! Спасибо за беспокойство.

С этими словами слуга кинул заботливый взгляд назад, на скрученные и бережно сложенные в повозке дорогие ткани, прибывшие этим днем из Виарке, южного города, а затем снова посмотрел вперед. И чуть подстегнул мулов.

* * *

Стены Луциоса вырастали по мере приближения, и вскоре Юлиан въехал в стрельчатую арку городских ворот. Здесь дорога расширялась, обрастала булыжником и разветвлялась на множество улочек, а те, в свою очередь, растекались по городу, подобно притокам реки. Но главным рукавом дорога шла к порту и проходила мимо рынка, между расположившихся по бокам лавок, кузниц, таверн и доходных домов. От порта и к порту тянулись бесконечные вереницы повозок, всадников и деловитых людей с договорами в сумках, перекинутых через плечо.

Люди, чистые и ухоженные, шумно общались между собой. У лотков живо обсуждали цены товаров в сеттах, даренах, треволах и иадах. Звенели серебрянники и бронзовички

из всех уголков Сангомара. По улочкам гулял морской ветер, игриво задувая под светлые одежды горожан и путаясь в их каштановых и серых шевелюрах.

Юлиан возвышался над ними почти на голову.

Многие, завидев высокого и богато одетого господина, сразу же признавали в нем графа Лилле Адана. Тогда они почтительно расступались, пропуская того, чья семья владеет всем Ноэлем. Как шутили в народе: «Проще сказать, что не принадлежит семье Лилле Адан». В отличие от северян, народа темного и необразованного, ноэльцы знали о существовании вампиров. Именно поэтому все прекрасно понимали, кто такие Лилле Аданы, хотя и не осознавали, отчего Мариэльд живет так непозволительно долго... Уже обычным делом стала отправка из тюрем приговоренных к смерти людей в отдаленный особняк, где те бесследно пропадали. Привыкли горожане и к странным соседям, которые не имели в доме ни крошки хлеба, зато время от времени посещали заключенных. Воспринимали они это сдержанно, чуть стиснув зубы, но терпели... Терпели не так спокойно, как южане, которые и бровью не вели при виде клыков, но и не так бурно, как северяне, – никто не хватался за вилы и ножи.

И хотя ноэльские вампиры спокойно покупали кровь в узилище, все же они старались не выпячивать свое происхождение. И при случае предпочитали отмалчиваться, общаясь с каким-нибудь матросом, прибывшим на корабле с Севера.

– Да байки это всё. Ну какие вампиры, о чем вы... – шептали они со сдержанно-лукавой улыбкой и качали головой.

Впрочем, морякам редко доводилось покидать Портовый район. Они и бродили-то в основном между складами, борделями и харчевнями, пребывая в искренней уверенности, что истории про кровососов – это всего лишь рассказы. Порой тот или иной матрос мог приметить во рту случайного прохожего клыки, испугаться и потом рассказывать на своем Дальнем Севере, что видел живого вампира, настоящего демона! Да вот только родня и друзья обменивались друг с другом понимающими улыбками, переглядывались, как бы говоря: «Эка морячок шутки шутит... Посреди города да вампир... Видано ли дело?»

Вампиров в Ноэле жило совсем немного, поэтому случаев с убийствами людей возникало и того меньше. В общем-то, вампиры не доставляли никому особых хлопот, а Мариэльд де Лилле Адан и вовсе пользовалась всеобщим уважением. Когда тридцать лет назад она вернулась из северных земель вместе с бледнолицым юношей, к тому же скверно говорящим по ноэльски, об этом во всем Луциосе судачили несколько лет. Личность Юлиана обросла самыми невероятными слухами, и всякое его появление в городе приводило ко всеобщему переполоху. И только спустя два десятилетия он смог вздохнуть спокойнее. Но все же не до конца...

– Господин! Господин! – закричал кто-то сбоку писклявым голосом.

Стайка беспризорных детей в коротких шароварах и рубашках обступила Юлиана и завещала. На высокого графа уставились серые, темно-серые и карие глаза.

– Господин, подайте монетку! Всего лишь одну!

– Мне подайте!

– Нет, мне, уйди, Тойюр!

– Да сам отвали!

– Подайте, господин...

– Ну пожалуйста!

Юлиан зыркнул на наглых детей и нарочито широко улыбнулся. Те вздрогнули от показавшихся клыков и разлетелись с гамом во все стороны, как воробы. В то же время тонкие, но ловкие пальчики потянулись к поясной сумке графа, пока он стоял спиной.

– Ага! – Юлиан поймал дерзкого воришку за руку.

Мальчишка сделался смертельно бледным.

– Кто это тут у нас, а? – произнес задумчиво граф, легко удерживая его. – Что ты у меня в сумке забыл?

– Я... ничего. Вам показалось, господин! Не ешьте меня, пожалуйста!

– Да что ты, – граф усмехнулся и шутливо клацнул зубами. – Ты, часом, не из приюта? – На ребенке были незаштопанные штаны и худая рубаха.

– Да... из приюта... – Тот сглотнул подкативший к горлу ком.

– Еще раз увижу твою руку у чьей-нибудь сумы, сдам охране! Я все вижу, мальчик, и я тебя запомнил! – нарочито серьезно пригрозил Юлиан.

Тут же позабыв о ребенке, он взял под узду Тарантона и поспешил по широкой улице к порту. За углом она резко уходила вниз, отчего широко разворачивалась панорама порта с покачивающимися на водах кораблями.

День близился к закату. Из рыболовных суденышек, примостившихся справа, спешно выгружали пойманную рыбу. С укрытых досками пирсов доносился шумный гам хозяев лодок, капитанов команды или одиночных рыбаков. Обсуждали всё как обычно: богатые места, плохой улов. Или, наоборот, гордо демонстрировали доверху груженные рыбой бочки.

Одно- и двухмачтовые торговые нефы сонно подремывали на волнах, пока вокруг кипела жизнь. Потные грузчики в шароварах и с подвернутыми рукавами торопливо перетаскивали в трюмы товар под контролем ревизоров, сверявших все по накладным. Из всех кораблей ближе к входу в порт стоял двухмачтовый неф. Юлиан сразу обратил внимание на его галюнную фигуру в виде обнаженной наги с раскрытым в крике ртом и огромной грудью. За три десятилетия в Ноэле он ни разу не видел таких наг... Да и вообще, пышной грудью женщины этого вида никогда не отличались, поэтому пылкой фантазии резчика по дереву оставалось лишь позавидовать.

Около этого нефа, «Морского черта», с криками ходил взад-вперед поросший густой бородой купец в длинном кафтане с позолоченной тесьмой. Рядом с ним вертелся сынишка, лет восьми, с самым унылым видом слушающий отцовские наставления. Под вечно недовольным взглядом купца грузчики заносили в трюмы ящики с «Королевским розовым», закупленным на местных винодельнях.

– Халлик! Дурень, хватит крутить по сторонам башкой! – ревел кряжистый купец.

– Пап, да я слушаю тебя, слушаю! – с совсем хмурым видом ответил мальчонка, но тут же отвернулся и стал смотреть на багровый закат. Его бордовое платье развевалось на легком ветру, как и длинные волосы.

– Я вижу, как ты слушаешь! Учись, пока я жив, отцовскому ремеслу.

Оплеуха прозвучала неестественно звонко даже среди этого бурного оживления и суматохи. Затем раздалось фыркание, и насупившийся ребенок недовольно скрестил руки на груди.

– Когда ж ты ума наберешься, а, Халлик?!

– Да я слушаю тебя, пап. Ну я же сказал! – с обидой произнес мальчонка. Красный отпечаток на щеке от удара отцовской ладонью начал медленно остывать.

– Вполуха слушаешь! А должен двумя ушами вращать, как гарпия крыльями, чтоб все запомнить!

Курносый нос мальчика сморщился, а чуть выпуклые глаза, похожие на отцовские, потускнели. В них застыла настолько великая скука, что, казалось, он прилагает все усилия, чтобы смотреть на эту бесконечную вереницу ящиков с вином. В конце концов любопытство опять возобладало над ним, и мальчик отвлекся на скрипящие доски пирса. Склонился, встал на четвереньки и принялся заглядывать меж щелей – в покачивающиеся воды.

– Пап, папа! Смотри, там что-то есть!

– Что? – буркнул недовольно Намор Белозуб. – Куда ты опять пялишься, Халлик? О Ямес, за что мне это... Пять дочек, и вот уродилось же такое чудо шестым...

– Папа, да там кто-то есть, под досками прячется!

И действительно, Юлиан услышал всплески и писклявое стрекотание, напоминающее трели птиц в сосновом лесу. И если мальчик в изумлении прильнул глазом к щели размером с большой палец, то граф Лилле Адан уже знал, кто притаился под пирсом.

Морские чертята часто селились в южных теплых водах, в портах и верфях. Промышляли они воровством еды, товаров, а порой и всего ценного и блестящего, до чего дотягивалась их перепончатая тонкая лапка. С этими демоническими безобразниками, весьма безобидными, если бы не их проделки, отчаянно воевало портовое управление, однако шустрых негодников изловить было очень непросто. Отличались эти создания от своих лесных собратьев, киабу, не таким пушистым хвостом, а также перепонками между пальцами. За долгие годы соседства с людьми морские чертята стали еще нахальнее. Не раз и не два любая мало-мальски пригодная щель в стене или полу становилась причиной разорения амбаров. Порой отопрет хозяин склада дверь поутру и тут же увидит в полутьме, как к щели наружу устремляются стрекочущие и довольные черти, деловито поворачиваясь к разорившемуся человеку тощим задом. Почему разорившемуся? Потому что шелка, парусина, красители-то, может быть, и не съедобные, но пока каждый демонический негодник не попробует их на свой зуб, не пожует, не выпотрошит и не выплюнет, он с этим будет до последнего не согласен. Впрочем, портовый люд в долгу не оставался: с медком да под пиво вяленые чертята шли очень даже неплохо. Так что тут, как говорится, око за око, зуб за зуб.

Привязав поводья Тарантона к крюку у торца Портового дома, Юлиан поднялся по ступеням на второй этаж. Пройдя через длинный и тесный коридор и разминувшись со снующими туда-сюда работниками, он постучал в дверь, а затем вошел, не дожидаясь ответа.

В кресле, склонившись над кипой бумаг, сидел громоздкий мужчина с массивным лицом и взглядом того, кто может считать, писать, вести учет и выполнять некоторые важные приказы, не вникая в их суть. Его зачесанные назад волосы с проплешиной украшали оловянные трубочки, постоянно спадающие. Возможно, пора было отказаться от них, но мужчина отчаянно цеплялся за воспоминания о некогда пышной шевелюре. Даже одежда приросшего знатным пузом портового управителя была неподобающе молодежной – шаровары с рубахой. Ему давно

уже следовало примерить длинное платье, а поверх набросить какой-нибудь табард – именно так выглядели пожилые люди Ноэля. Но нет!

Знатное брюхо забавно всколыхнулось, когда управитель увидел вошедшего графа Лилле Адана и попытался приподняться.

– Ваше сиятельство! Да осветит солнце ваш путь! – проревел он смиренно.

– Здравствуй, Кавиан.

– Уж близится закат, и если я вижу вас здесь, то дело важное? Да вы присаживайтесь, ваше сиятельство!

Убрав с кресла стопку журналов с отчетами по швартовкам, Юлиан осторожно присел в крепкое кресло и достал из сумы несколько скрученных бумаг.

– Кавиан, скажи-ка, происходило что-нибудь интересное со дня моего последнего визита в порт?

– Все как обычно, господин... Полный порт кораблей, а грузчики работают не покладая рук. Разве что...

– Что?

– Да морские чертята плешь проели уже... – И Кавиан почесал почти лысую макушку. – За последнюю неделю, кажется, собрались со всего Альбо к нам в бухту... Черти бы их побрали! А, тьфу! Они ж и есть черти... Не знаю, что на них нашло, облепили наш порт, никак не выгнать.

– Совсем не уходят?

– Нет! И даже больше! За час до вашего прибытия напали толпой на рыболовное суденышко Лаврейя, стали потрошить рыбу, вытаскивая ее из бочек, и шипели на рыбака. Представляете? Еле отогнали наглецов – палками! Такие вот дела...

Значит, наги не ошиблись. Юлиан испустил усталый вздох и подпер лоб пальцами, один из которых был украшен родовым перстнем с сапфиром.

– Неужели такое поведение чертят ничего тебе не напоминает, Кавиан? Ты же на посту управителя более двадцати лет.

– Отчего не напоминает? Напоминает! – вздрогнул крупной дрожью Кавиан. – Но ведь он просыпается раз в пятнадцать лет, а прошло лишь четырнадцать, господин! Ни разу еще его пробуждение не сбивалось с графика!

– Сегодня наги сообщили, что ноэльский левиафан проснется со дня на день.

Лицо портового управителя сделалось белым, а на лбу капельками пота выступила испарина, прорезавшая словно ножом морщины широкого лица и сделавшая их глубже. Из груди вырвался стон отчаяния от грядущих убытков и смертей, а пальцы нервно затеребили любимые бумаги. Прикасаясь к ним, управитель чувствовал легкое успокоение.

– Свяжись с плениумом, Кавиан, – продолжил граф. – Пусть срочно вышлют гонцов в земли Альбаоса: Линдул, Белый Афолеон, Бесовской приют и Лоракко. А на юге в Анеф-Арай, Золотой Ноам, Дасиандру и в Лоо.

– А в Сентопию?

– И туда тоже... – Задумавшись, Юлиан передал бумаги в руки управителя. – Я подготовил письма.

– Ох, Осте, Осте... В прошлый раз он до месяца Холонна поглотил больше двадцати кораблей, которые не знали или знали, но рискнули выйти в море. Что же будет в этом году?

– Будет что-то страшное.

– Мы не успеем уведомить всех, господин! Наги не могли ошибиться, ваше сиятельство?

– Нет. Четырнадцать лет назад они меня предупредили ровно за два дня до пробуждения. Да и ты должен видеть все своими глазами, Кавиан. Чертята тоже чувствуют, оттого и сидят на земле, боясь охотиться в воде.

– Да, да... Ох, как жаль!

Повторив позу своего господина, Кавиан подставил ручищу под гладковыбритый подбородок и горестно посмотрел в окно. Там солнце закатывалось за горы на мысе Голубого Когтя. Стремительно темнело.

С закатом порт вмиг опустел, и лишь караул поскрипывал досками. Оживленная толпа переместилась на улицы города. Там свои двери открыли бордели, дававшие морякам тепло и любовь за пару десятков бронзовичков. Если же получившему хорошую маржу и оголодавшему по особой ласке моряку хотелось чего-то посвежее, то и для таких находились барышни. Но не те, что громко зазывают из окон борделей, а тихо ждущие своих клиентов в покоях, куда их приведут сводницы.

Вся та часть Луциоса, что находилась ближе к порту, отчего и называлась Портовым районом, ночью оживала и вела распутный образ жизни, в отличие от более спокойного и размеренного Верхнего района.

– Я вас понял, мой господин, – сказал Кавиан. – Я немедленно отправлюсь по домам плеинума, разбудю всех нужных людей! И отошлю гонцов со срочными письмами куда надобно!

– Да, сделай. Нам предстоят тяжелые полгода.

– Господин Лилле Адан, у нас же полный порт кораблей! Да вы же сами знаете, что в месяц Осте всегда оживление. Им-то что делать?

– Не уверен, что они смогут добраться до своих родных портов живыми, Кавиан. Но не буду утверждать, что левиафан уже проснулся.

– Вот и я о том же, ваше сиятельство...

– Переговори со всеми. Объясни ситуацию и посоветуй остаться в Луциосе до зимы... Но не все согласятся. Увы, мы не имеем власти их задерживать. Если они захотят покинуть порт, пусть делают это как можно быстрее, в течение одного-двух дней.

– Осте, за что? Дюжи, пощадите.

И управитель уронил голову.

– Перестань молиться, Кавиан, – поморщился Юлиан. – Тот, кого не существует, не сможет помочь! Это мир демонов без богов. Сделай, что я приказал, да побыстрее!

С этими словами он поднялся из кресла, глядя в разбавленную огнями Луциоса ночь за окном. Быстрым шагом он покинул кабинет портового управителя, оставив того в смятении.

Масштаб надвигающейся трагедии был невероятен. Все знали про ноэльского левиафана, но до этого года огромный демон, живущий в Лилейском проливе более одиннадцати веков, всегда следовал своему особому расписанию. И под него подстроились все портовые города... Раз в пятнадцать лет все порты закрывались. С весеннего месяца Осте до зимнего месяца Холонна торговля морем полностью прекращалась, а грузы доставляли по земле. Увы, других морских путей с Севера на Юг, кроме как через пролив между Лилейским островом и Ноэлем, не существовало. Лилейский остров был огромен, а течения севернее него столь яростны, что лишь у неопытного штурмана или полного дурака могла зародиться мысль избрать этот путь.

Вместе с тем, по словам Нью Кха, на западе и севере от Лилейского острова жило еще одно племя нагов, более дикое и свирепое. Они не желали общения с людьми и не владели их речью. Эти наги из рода Ойх, по словам того же Нью Кха, безжалостно топили корабли, и Юлиан подозревал, что именно их заслуги приписывали коварному Ойхскому течению. Ни разу он не встречал никого из представителей этого племени, но сказанному Нью Кха верил, потому что наг, в отличие от людей, врать не любил и не умел.

* * *

Покинув опустевший порт, Юлиан верхом на Тарантоне направился обратно в особняк. Путь занял пару часов, и ближе к полуночи он ловко выскользнул из седла и передал коня

заботливому конюху. Сам же, погружившись в мрачные думы и не видя ничего вокруг, поднялся по лестнице к спальне. Ступая по пышному ворсу ковра, он со сложенными за спиной руками вошел в комнату.

Там при бледном свете полной луны сидела в кресле в белом платье Фийя, мечтательно уставившись на усыпанное звездами небо. Все свободное время она проводила либо в состоянии отрешенности и мечтательности, что, возможно, было состоянием ее души, либо с вышивкой в руках. Вот и сейчас, несмотря на острый слух, из-за мечтательного полубытья служанка не слышала мягких шагов графа и вздрогнула от звука отворившейся двери. Когда же она различила во мраке знакомый силуэт, на ее лице появилась улыбка.

– Вы вернулись?! – тихонько воскликнула она.

– Конечно, Фийя. Как я могу не вернуться? Этой же мой дом, – улыбнулся Юлиан столь простодушному вопросу.

– Так что же произошло?

В гробовом молчании хозяина служанка различила тщательно сокрытое переживание и, понимая, что случилось что-то плохое, подскочила с кресла. Она стала снимать с графа вещи, а тот, пребывая мыслями где-то у Лилейского острова, не мешал ей и лишь поднимал и опускал руки, ноги.

– Вы даже не запрещаете мне помогать раздевать вас. Значит, и впрямь что-то страшное... – испуганно прошептала она, и на ее круглом личике застыла растерянность.

– Спящий проснулся...

– И что? Он же всегда просыпается, тео Юлиан, – Фийя непонимающе похлопала большими, как у совы, глазами. С возрастом она не стала умнее.

– Фийя, Фийя... Он проснулся на год раньше. И мы не успеем предупредить всех! Пока гонцы на лошадях достигнут самых отдаленных земель, например северного Лоракко или южного Анеф-Арайя, пройдет почти два месяца.

– Вы хотите сказать, что эти два месяца корабли будут плавать туда-сюда и не знать, что Спящий не спит?

– Вот именно! Часть кораблей покинет Нериумскую бухту, потому что, во-первых, не каждому по кошельку обеспечить проживание в Луциосе экипажа до зимы, а во-вторых, у всех горят сроки, Фийя! И многие будут, молясь всем богам, северным и южным, рисковать своей жизнью в надежде, что все обойдется и они не столкнутся со Спящим.

– Так много людей погибнет?

– Да, много, – с тяжелым вздохом ответил граф, за тридцать лет привыкший к наивным вопросам служанки.

Он не знал, что делать. Он чувствовал полную беспомощность перед сложившейся ситуацией и даже не смотрел в сторону раскрасневшейся Фийи, пока та, чуть прикусив губу, наблюдала за ним, тревожно меряющим спальню шагами из угла в угол в одном исподнем.

– Поддай мне домашний костюм, пожалуйста.

– Вы не будете дремать со мной?

– Нет, я же попросил домашний костюм. Поработаю в кабинете, сейчас не до сна, – терпеливо повторил свою просьбу граф.

– Как скажете, тео Юлиан.

По мордашке женщины скользнуло легкое негодование, которое, впрочем, тут же стерлось из-за случайной, не относящейся к делу мысли. И служанка, пожав плечами, вприпрыжку подбежала к сундуку, откуда достала расшитый серебряными нитями халат с темными шароварами.

После слов благодарности Юлиан покинул спальню, спустился на второй этаж и заперся в кабинете, где просидел над документами до самого утра. Впрочем, за всю ночь ни один отчет так и не был прочитан. Встревоженным взглядом граф смотрел сквозь бумагу куда-то вдаль,

стараясь сознанием проникнуть в будущее, раздвинуть его туманные материи и найти решение, которого, вполне возможно, не существовало. Ну а Фийя, печально вздохнув, распустила свои многочисленные косички, сменила платье на ночную сорочку и заползла под одеяло. Лишь курносый нос и непрестанно хлопающие глаза выглядывали из-за него, рассматривая висевшую на стене картину с морскими пейзажами.

* * *

Когда обращенное к бухте окно посветлело и наступило утро, в кабинет к Юлиану вошел болезненно худой Вицеллий. Осторожной походкой он приблизился к дивану у окна и присел, закинув ногу на ногу. Казалось, он о чем-то напряженно думает, но на самом деле вечная задумчивость и колкий взгляд из-под бровей были присущи этому лицу всегда. Несменяемая красная пелерина сегодня была надета поверх светло-серого, почти белоснежного платья с золотыми пуговицами.

– Доброе утро, учитель, – вежливо поздоровался Юлиан и пропал глазами дальше в отчете, в который смотрел всю ночь.

– Чтобы утро было добрым, нужно начинать его не с бумаг...

По губам пожилого мужчины скользнула лукавая улыбка, а граф Лилле Адан поднялся из-за стола и присел на диван рядом с Вицеллием. Тот достал из поясной жесткой сумы склянку крови, клацнул по ней ногтем и передал графу.

– Борькор, белая роза или ксимен? – спросил граф, принимая маленькую, размером с палец, склянку.

– Слепая доверчивость хуже вечной подозрительности, Юлиан, – взгляд Вицеллия стал более острым. – Если бы вместо меня был мимик либо в мое тело подсадили сотрапезника, ты бы уже умер от своей тряпичной доверчивости. Сколько лет я пытаюсь тебе внушить, что осторожный всегда умирает последним!

Граф виновато улыбнулся, достал пробку и, двумя пальцами удерживая стеклянный сосуд, принялся, прикрыв глаза и посмаковав запах. Маслянистый оттенок, сладковатые, еле уловимые нотки. Тончайше настроенное обоняние различило легкую примесь какого-то парфюма и еще что-то.

– Вы добавили выжимку из олеандра, чтобы сбить меня со следа, учитель.

С этими словами, продолжая приняхиваться и не сводя глаз с Вицеллия, который ехидно вздернул брови, Юлиан капнул жидкость из сосуда на палец и слизнул. Затем с широкой улыбкой от уха до уха запрокинул голову и залил кровь из склянки в рот.

– Белая роза, которую вы попытались выдать за голубой олеандр!

– Да, верно. Хотя редкий дурак будет маскировать один яд другим. Как ощущения?

– Никак... Доза была небольшой.

– Для тебя – да, – Вицеллий гор'Ахаг подпер указательным пальцем с массивным золотым кольцом висок, глаза его улыбались. Затем он спросил: – Но даже для меня эта доза смертельна. Как быстро бы я умер, Юлиан?

– Хм... Думаю, не успели бы дойти до берега.

– Нет. Раньше, из-за больного сердца. А симптомы?

– Паралич и отказ сердца.

– Верно, хоть что-то да запомнил. Хороший из меня учитель.

– Хороший... – эхом повторил граф и улыбнулся.

Вдруг старый веномансер что-то вспомнил и обвиняюще покосился на ученика, к которому его пригласил друг почти тридцать лет назад, когда гор'Ахаг после жуткого скандала решил покинуть службу у Его Величества.

– Ты забыл принять вчера раствор.

– Не до того было, учитель! – Юлиан прикрыл глаза и устало откинулся назад. – Со дня на день все побережье будет усыпано обломками кораблей, словно костями. А сами человеческие кости будут перевариваться в желудке Спящего.

Вицеллий гор'Ахаг погладил свое золотое кольцо в виде паука, лапки которого служили ободком. Его вечно настороженный взор из-под темных бровей изучал графа, но дрожь, пробежавшая по телу, не дала продолжить наблюдение. Он болезненно сморщился, а круги под глазами стали темнее и отчетливее.

– Вы, похоже, тоже не приняли лекарства.

– Не ерничай! – Вицеллий скользнул рукой в жесткую суму, достал оттуда другую склянку, с ободком красного цвета, и выпил кровь. – Увы, за искусство веномансии приходится дорого платить.

– В отличие от меня, вам нельзя пропускать время принятия лекарства. Мне не нравится, как бьется ваше сердце.

– Хо-хо, не нравится ему мое сердце... Какой заботливый. Я еще всех вас переживу, Юлиан, не волнуйся! – Вицеллий ухмыльнулся, но новый приступ боли вновь исказил его лицо, и он сложил на платье скрюченные пальцы. – В Ноэле голубой олеандр растет как сорняк, так что недостатка в лекарстве у меня нет.

– Как жаль, что левиафан невосприимчив к яду олеандра...

– Яд есть против всего и для каждого случая, – заметил веномансер. – Но даже если ты найдешь уязвимость Спящего, невозможно будет достать смертельную дозу.

– Да, он слишком огромен. Я не придумал пока ничего лучше, кроме как снарядить пару кораблей и вооружить людей арбалетами и гарпунами.

– Ты делал это в прошлый раз.

– Но другого выхода нет... В 2091 году, пятьдесят девять лет назад, рыцарь Ной из Белого Афолеона во имя северного бога Ямеса вышел на нефе «Божья кара» в море и смог ослепить чудовище.

– Но погиб сам! Да и глаз-то у левиафана осталось еще пять. Так себе расклад.

– Если в конце концов Спящий ослепнет, пусть и по одному глазу каждые пятнадцать лет, это решит нашу проблему. И один из ударов может стать для демона последним, учитель.

– На смену одной проблеме всегда приходит другая. Ты рассказывал о северных нагах рода Ойх. А ты не думал, что их благоговейный страх перед этим демоном защищает Ноэль от того, чтобы они поселились в Лилейском проливе? И принялись топить корабли? А?

– Скорее всего, они не заплывают в наш пролив из-за племени Нюй, – Юлиан покачал головой, а затем вспомнил: – Я их, кстати, пообещал сопроводить к озеру через несколько дней.

– Зачем?

– Они тоже боятся Спящего и каждое его пробуждение переживают в водах озера Иво.

– Спящий – в дом, наги – вон! – расхохотался Вицеллий и затрясся от смеха.

Юлиан с осуждением посмотрел на старого учителя, но тот лишь усмехнулся: веномансер обладал весьма своеобразным чувством юмора и никогда этого не стеснялся.

– Им бы поселиться здесь, в Ноэле.

– Они и так в Ноэле, – веномансер блаженно раскинулся на диване и чуть сполз вниз.

– На суше, а не в море. На Юге наги спокойно живут среди людей уже тысячи лет.

– И что?

– Племя Нюй могло бы сделать так же.

– И получить вилами под чешуйчатый хвост, да? – Вицеллий ухмыльнулся.

– Но в Элегиаре...

– В Элегиаре наги живут среди людей уже тысячи лет, – веномансер передразнил графа его же голосом. – Да только за долгую историю все расы успели знатно порезать друг другу глотки. Пусть сидят в своем море и не вылезают! Всем от этого будет спокойнее.

– Когда-то же нужно начать...

– Ты точно друг племени Нью? Или, может быть, грезишь о добре для всех? За все хорошее против всего плохого?

– Нет, я в такое уже не верю. Не мне, лишившему жизни более трехсот человек, говорить о всеобщем благе.

– Триста? – Вицеллий вновь хохотнул. – Ты ведешь счет, скольких отправил к Прафиалу, Юлиан?

– Учитель, прекращайте! Лучше помогите советом.

– Вот тебе мой совет! Пусть Ноэль остается таким, какой есть. Без вонючих оборотней, вечно линяющих нагов и мозгоклеюв воронов, – на лице Вицеллия застыла гримаса отвращения. – Я уже полюбил чистый мир без всех этих...

Аристократ порой бывал невыносим, однако за долгие три десятилетия Юлиан свyksя с его заносчивым снобизмом.

– Неужели вы совсем не скучаете по Элегиару?

– Только по суккубам.

– И всё?

– Всё, – ухмылка вновь расплзлась по лицу веномансера. – Север мне импонирует больше.

– Вы бы хоть что-то рассказали про Элегиар, – вздохнул граф. – А то словно воды в рот набрали.

– На длинном языке хорошо вешаться, знаешь такую поговорку?

– Ох, Вицеллий, Вицеллий...

Ненадолго в кабинете повисла тишина, а затем граф поднялся с дивана и с усталым видом заходил туда-сюда, заложив руки за спину. Время от времени он касался серебристых трубочек в волосах, приглаживая шевелюру, но потом вспоминал, что это был отцовский жест, присутий и Малику, и убирал руки от головы. В конце концов он остановился у прямоугольного окна.

Во дворе особняка уже вовсю работали слуги. Кто-то поливал цветы водой из колодца, другие выводили коней на прогулку из денников, чтобы те размяли ноги, пока третьи остервенело мели дорожки. Безмолвная стража зорко следила за деятельностью слуг, как и бдительный Кьенс. Иногда этот худой как жердь вампир подходил к какому-нибудь нерадивому слуге и молча тыкал пальцем в то, что его не устраивало.

Лапистая ветвь душистой сосны покачивалась напротив окна, касаясь его. В ее ветвях метался нахохлившийся черный воробей, ловко прыгая по бугристой коре.

– И все-таки северные наги выглядят куда меньшей угрозой, чем левиафан... – наконец произнес Юлиан, рассматривая воробья, который, в свою очередь, отчего-то не улетел, а наклонил голову и тоже глядел в ответ.

– Потому что ты с ними еще не столкнулся. Будь дальновиднее! Если не будешь смотреть вдаль, захлебнешься от проблем вблизи.

– Учитель, послушайте, а может, попробоватъ пригласить из южных земель какого-нибудь могущественного мага, чтобы тот избавил нас от проблемы с левиафаном?

Юлиан продолжил мерить кабинет шагами, ходя из угла в угол в мягких туфлях. А веномансер сидел на диване и поглаживал узловатыми пальцами, изъеденными кислотами, свою жесткую сумку. Там хранились самые сильные яды – их и граф, и веномансер опасались оставлять в лаборатории, даже запирая ее на ключ. Это были яды, что доставлялись под заказ.

– Чем сможет помочь даже сильнейший маг?

– Разорвет сердце левиафана, ослепит, задушит, даже достанет из воды заклинаниями, и на берегу мы уьем его.

– О-хо-хо-хо... «Поднимет из воды», «задушит»... Хо-хо.

– Да можно бурю наслать, в конце концов, чтобы она выбросила его на скалы! – Юлиан увлеченно продолжал сотрясать воздух.

– Мой ретивый, но не очень сообразительный ученик. У левиафана, вероятнее всего, несколько сердец – это раз. Его размеры более пятидесяти васо – это два, поэтому весит он... Ох, я даже не знаю, сколько он весит. Но это воистину ужасные цифры – это три! А что касается бури...

– Да, вариант с бурей хорош.

– ...у левиафана очень мощные искривленные конечности, мы видели это с тобой четырнадцать лет назад. Он сможет заползти в море самостоятельно. И нет таких магов, которые смогли бы поднять из воды эту махину, разорвать ее сердце и прочее.

– Я же видел, учитель... – тихо сказал граф и покачал головой, не соглашаясь.

Он прекрасно помнил Пацеля из Детхая, могущественного мага, пожалуй, самого сильного из всех тех, которых он узнал на своем веку. Тогда, тридцать лет назад, Пацель силой мысли поставил весь город Большие Варды на колени. Разве с такой силой невозможно убить всего-навсего одного огромного демона?

Здесь же, в Ноэле, маги тоже водились, но они были столь слабы, что им поручали либо разогнать тучи над головой, либо затянуть небольшие раны, либо отпугнуть вредителей-чертей с полей. На этом всё... Наука магии требовала долгих лет кропотливой учебы, так что самые могучие чародеи жили исключительно на Юге, при дворах королей. И отдаленный Ноэль им был совершенно неинтересен.

– Если ты насчет Пацеля, то я сомневаюсь в размере его силы, которую ты сам себе придумал, – развел руками веномансер.

– Моя память меня не подводит.

– Я повторяю, он не мог проникнуть в голову человеку силой мысли, не произнеся ни одного заклинания на языке Хор'Аф! Это невозможно!

– Но Пацель это сделал, учитель. И даже более того...

– Да, я знаю про вторую часть истории с упавшими на колени людьми. Ты мне это уже сто раз говорил.

Теперь уже Вицеллий гор'Ахаг нахмурился, поднялся с дивана и подошел осторожным, тихим шагом к окну, у которого стоял Юлиан, и тоже посмотрел на слуг и качающееся за усыпанным олеандрами холмом море. Оба – и ученик, и учитель – касались друг друга плечами, сложив руки за спиной. На лицах обоих застыло смятение. Вицеллий не любил непонятных вещей и подозрительно относился ко всему, что выбивалось из его картины мира. Все, что туманно, попадало в категорию опасностей.

– Тогда Пацель нашел какой-нибудь древний артефакт! Я знал его более пятидесяти лет назад, уже тогда он обращался к другим магам для омоложения, потому что ему не хватало собственной силы и знаний. А тут власть над толпой?.. Невозможно!

– Артефакты... Вполне может быть, хотя Пацель так мало рассказывал о своей жизни. Так, ладно, давайте прекратим разводить антимонии и вернемся к теме разговора. Как насчет того, чтобы заплатить сразу нескольким сильным магам? Что думаете?

– Похоже, я дал тебе излишнюю дозу белой розы, – веномансер поправил одну из трех золотых цепочек на пелерине. – Я же сказал, что маг любой силы бесполезен против левиафана! К тому же он, как ты и прочие реликты, скорее всего, невосприимчив к магии.

– Но что-то нужно сделать!

– Юлиан. Я, как тот, кто был правой рукой короля Горацио Пятого, прозванного Золотым, тот, кто был вхож в опочивальню самой королевы в любое время суток, тот, кто присутствовал на секретных советах консулов, являясь одним из них, заявляю, что магия тебе не поможет с левиафаном! Не будь глупцом и прислушайся к тому, кто знал великих магов не понаслышке!

– Но я не могу бездействовать...

Вицеллий вздернул бровь.

– Невежественный поступок порой приносит больше бед, чем бездействие.

Улыбнувшись одной стороной лица, поскольку вторая после перенесенной болезни имела ограниченную подвижность, Вицеллий гор'Ахаг покинул кабинет. Граф остался в одиночестве, в размышлениях.

Тем временем из особняка вышла Мариэльд и, шелестя серым подолом, присела на скамейку в окружении сосен. Ее белоснежные косы лежали на плечах, а ясные голубые глаза из-под прикрытых век наблюдали за возней прислуги. Слуги быстро ретировались, не желая мозолить глаза хозяйке.

Скоро к Мариэльд присоединился Вицеллий. Он поправил свое длинное белое платье, пелерину красного цвета, который считался в этих землях цветом траура, и присел рядом. Впрочем, нравы и порядки Ноэля его не очень интересовали: он не стал перешивать любимые алые одежды, символизирующие в Элегиаре аристократию, из-за каких-то, по его мнению, глупых суеверий.

Порой Юлиану казалось, что с помощью своей красной пелерины, соединенной тремя золотыми цепочками, Вицеллий мысленно переносит себя обратно в Элегиар, где прошли почти все годы его жизни, трудной, но яркой. Старый веномансер, ныне больной и немощный, некогда был очень живым мужчиной, экспериментатором в области веномансии – Алым Змеем, как его называли при дворе. Однако о своей службе вампир говорил мало и редко. На то были причины. И дело даже не в клятве неразглашения, на которую, скорее всего, Вицеллию было плевать, а в событии 2119 года. Тогда, как узнал граф от приезжих купцов и из книг, погибли тысячи и тысячи нищих в трущобах. И виновным называли без уменьшения Вицеллия гор'Ахага и его яды. Якобы это он отравил колодцы, чем вызвал жуткие болезни и последовавшие за ними смерти. А самого Вицеллия, по тем же рассказам, казнила толпа.

Сам старик прибыл в особняк посреди дождливой ночи почти три десятилетия назад. Из пожитков он привез одну лишь пелерину, которую прятал за жутким балахоном, да купленную по пути рабыню. На все вопросы, что произошло на самом деле и как он избежал смерти, Вицеллий отнекивался и молчал. И только когда в имение Лилле Аданов прибывал кто-то из Срединного Юга, он неожиданно терялся и запрещал упоминать, что живет здесь... Граф был уверен, что его учитель до сих пор от кого-то скрывается, но умения держать язык за зубами у того было не занимать.

Наблюдая из окна кабинета, как Вицеллий и Мариэльд неспешно общаются, граф продолжал раздумывать. Может быть, ему и правда не стоит вмешиваться в дело с левиафаном больше положенного? Свою миссию он выполнил, отправив гонцов во все порты. Да, будет потеряно два-три месяца... Да, за это время левиафан пожрет множество кораблей... Но и бороться с этим огромным демоном бесполезно!

Глава 2. Наследие одиночества

Тем временем в Офурте зима еще противилась теплым ветрам и яркому солнцу, а старик Аард, по мнению жителей, все никак не мог до конца разбудить горы от спячки. Йева фон де Тастемара лениво приоткрыла один глаз, уставившись в узкое замковое окно, что слепило поутру лучом света, попадающим аккуратно на изголовье кровати.

В окно почти ничего не было видно – лишь полосу леса и плешивые вершины гор с остатками снега. Прохладный ветер бросался на бойницу, гудел и тряс донжон до самого основания. Где-то поодаль от замка, в перерывах между бесноватыми завываниями, слышались рокот ручья и весенний щебет птиц.

Уже очень долго Йева не чувствовала холод по-настоящему, но всегда внутри нее что-то морозило. И вот сейчас, закутавшись в меховое одеяло, она перевела взгляд на скудную мебель, делавшую мрачную комнату, пожалуй, еще мрачнее. Отсыревший от влаги сундук, отдающие плесенью волчьи шкуры, которые укрывали пол и каменные стены, и старая огромная кровать с войском клопов – от всего этого Йева вздрогнула и тяжело вздохнула. Она так и не смогла привыкнуть к офуртской промозглости.

На ногу ей опустилась украшенная перстнем с агатом мужская рука и погладила ее, а затем нахально скользнула промеж бедер.

– Горрон, неужели вам мало?

– Это тебе мало, дорогуша. Уж не знаю, как вытащить тебя из ледяного кокона. Может быть, тебе нужен второй мужчина?

– Как вы можете такое говорить, – ответила Йева и отвернулась от хитрого взгляда.

– А почему нет? В Габбросе многие важные дамы любили, когда их навещали более двух партнеров одновременно.

Графиня в ответ лишь фыркнула и попыталась спрятаться от настырного любовника под теплое одеяло, намотав покрывало на себя. Но Горрон, не терпя возражений, схватил ее за талию и подтянул к себе. Блеснули клыки, и с потемневшим взглядом он прокусил белоснежную шею графини Офурта, на что та чуть томно вздохнула.

– Значит, идея понравилась! Так и знал! – лукавые глаза блеснули.

– Нет-нет, Горрон. Немедленно прекращайте читать мои мысли!

Йева выскользнула из объятий и, потирая окровавленную шею, на которой пестрели следы от старых укусов, спустилась с кровати. Она промокнула стекающую кровь платком, взглянула на нахально играющего бровями герцога и с печальным вздохом принялась одеваться.

– Бестия порвала очередную стаю, но та ненадолго увела ее от Дорвурда, – произнесла она и снова прикрыла глаза, окунаясь в видения вурдалаков.

– И зачем ты позволила бестии сделать это?

– Я надеялась, что вурдалаки смогут с ней справиться.

– Йева, Йева... Такой ценный ресурс, как вурдалаки, растрчивать на то, чтобы просто отвлечь зверюгу? Ты могла взять одного-двух и заставить их гонять демона по лесам, завлекая его в чашу, но не допуская смертей.

– Я же сказала, что думала – стая справится. Но бестия перебила шестнадцать вурдалаков... – С пустым взглядом, обращенным к стене, графиня Офуртская подтянула на икрах собравшиеся в гармошку чулки. – Я знаю, это была напрасная жертва, но что мне еще предпринять, Горрон? Что делать? Бестия знает, где стоит город, полный людей... И если в начале зимы ее еще удавалось отвлечь парой-тройкой вурдалаков, то теперь, по весне, она голодна... озлоблена. Ах, впрочем, это неважно! – Йева закончила речь уже с неприкрытым раздражением.

Герцог вскинул в негодовании бровь. Ленивым движением он перекатился по простыне, заляпанной кровью, и сел на край широкой деревянной постели – бывшего ложа Райгара Хейм Вайра. Он дождался, когда Йева наденет любимое шерстяное платье и приколет к груди серебряную брошь с вороном, потом взглянул выжидающе и стрельнул глазами в сторону стула, где лежали его вещи. Со вздохом Йева взяла халат и надела его на любовника. Она уже привыкла к прихотям Горрона, который поначалу казался куда более интеллигентным, чем был в действительности.

В бордовом халате с символами золотого дуба, расшитого нитями, он потянулся и взмахнул руками, разминаясь.

– Интересно, будь на моем месте Юлиан, как бы ты вела себя с ним, а?

– Он бы даже не взглянул на меня... – покачала головой Йева. – После всего, что произошло.

– Вопрос был о тебе, а не о Юлиане, – рассмеялся Горрон, а затем задумался. – А ведь тридцать лет прошло, надо же. Ему уже более полусотни зим.

– Да... Наверняка он сильно изменился.

Йева подошла к узкому окну и, с трудом втиснув локти на каменный подоконник, посмотрела на снующий внизу город и горы вдаль. В лицо ей бросался рычащий ветер, и, прищурившись от его порывов, женщина тут же отошла в глубь комнаты с той мыслью, что надо бы завесить чертово окно шерстяными гобеленами. А с другой стороны, тогда ее комната лишится единственного животворного пучка света, погрязнув во мраке.

– Думаю, Мариэльд окончила его шлифовку, если можно так выразиться... Хм... хм... Как же быстро пролетают годы... Три десятилетия! Да, я скоро покину тебя, Йева. Подошел к концу обещанный мной Филиппу срок.

– Вы поедете в Ноэль?

– Да! – герцог потер ладони. – А потом через Йефасу, после суда Ярвена Хиамского, попаду в Брасо-Дэнто и зимой вернусь сюда!

Йева невольно вздрогнула. Ей было тоскливо и одиноко здесь, в мрачном Офуртском замке. Без отца, без брата. И лишь деятельный Горрон своей энергичностью заставлял ее шевелиться. Как бы она сама хотела поехать в Ноэль, увидеться с Уильямом, который сменил имя на Юлиан, а затем навестить отца! Нечастая деловая переписка с графом Тастемара лишь нагоняла уныние. Тот не привык к теплоте общению через письма, а потому от посланий из Брасо-Дэнто всегда сквозило могильным холодом и официальностью:

Перед праздником Аарда мы опрокинули войско графа Ларгоона у границ Стоохса. Восемью эскадронами был проведен обходной маневр в тыл противника. Потери составили порядка двух сотен коней с нашей стороны и двух тысяч пеших со стороны Стоохса. Летом, 56-го дня Самама, противник повторил попытку атаки на Амм, но снова потерпел поражение

из-за череды тактических ошибок. До следующей весны война остановлена. Урожай за текущий год превысил показатели за прошлые сезоны в 1,3 раза. Под Феррантом были разработаны новые рудники...

Все это напоминало скорее отчеты военачальника и управителя, нежели ласковые письма отца.

– Что же мне делать с бестией в ваше отсутствие?

– Ну... Кто ж знал, что этот демон, разбуженный нашим Юлианом, залечивает любые раны. Води его пока по лесам, отвлекай внимание и не пускай к Дорвурду и тракту. Но не позволяй вурдалакам умирать! За время твоего правления эти бедняги стали близки к исчезновению, как никогда...

С явно различимым сарказмом в голосе Горрон снова плюхнулся на постель и почесал живот, запустив руку под полу халата.

– Так, передай Роллану, чтобы подготовил коней. Со мной поедут Баннил и Демиар. Больше никого не нужно. И чтоб лучшие платья положили! Ноэль – это вам не Офурт, там нужно одеваться красиво!

Йева сложила на груди руки, оперлась о пахнущую плесенью шкуру и с осуждением посмотрела на герцога. Она молчала и старалась воззвать к совести Горрона укоряющим взглядом. Но тот, будучи вампиром абсолютно бессовестным, лишь широко улыбнулся.

– И я очень надеюсь, что меня и моих слуг по дороге не загрызут вурдалаки, – с хохотом добавил он.

От этих слов графиня поджала губы и покинула спальню, в которой уже долгие десятилетия жил и бывший герцог, считая ее скорее своей. Порой Йеве даже казалось, что не она правит Офуртом, а Горрон. Вокруг него, любвеобильного, постоянно вились толпы глупо хихикающих служанок, раздражавших кокетливыми ужимками. Не раз и не два графиня обнаруживала на своей половине кровати чужие женские волосы, на что Горрон лишь ласково улыбался и разводил руками: мол, что с меня взять? Графиня уже было приловчилась втихую отсылать любовниц назад в город, но на смену старым, к радости герцога и с его подачи, приходили новые. Да что там женщины... Даже костюмов у него было намного больше, чем у графини!

Спустившись по витой узкой лестнице, Йева раздала указания, кутаясь в пышную шаль. Донжон Офурта казался совсем крохотным по сравнению с Брасо-Дэнтю: всего в два этажа, из плохонького камня, да еще и без каминов в большей части помещений. Он был сырым, вечно подтекал, его постоянно прохватывало злыми ветрами. И даже вампиры, населявшие замок, казались мрачными и холодными.

Здесь не было ни южных расписных ковров, ни теплого дерева, ни больших окон на верхних этажах замка – лишь узенькие бойницы. Йева часто вспоминала, с какой любовью Филипп садился в свое кресло, деловито протирал платком стол и принимался за работу. В ее памяти всплывали его ласковые отцовские объятия и поцелуи в лоб или нос, от которых она почему-то морщилась, хотя сейчас отдала бы что угодно, лишь бы просто обнять его.

Но Филиппу фон де Тастемара было не до посещений дочери в последние десять лет. У него возникли серьезные проблемы с южными и северными соседями одновременно.

В 2138 году по общему летоисчислению южный сосед, Большой Глеоф, захватил небольшое королевство рядом с ним – Великую Флоасию, некогда графство Глеофа. Ее короля, Эдварда Жестокého, в назидание подвесили на стене крепости. С того дня глеофский король Август самовозгласил себя императором, а свое королевство – империей. Такое заявление заставило разом вздрогнуть всех северян. Филипп понял, что следующим, возможно, настанет его черед. И пусть на него пока не нападали, но все же пограничные города планомерно укреплялись, предчувствуя скорую войну. Сам граф начал стремительно наращивать войско. В замке

он теперь бывал только холодными зимами, а остальное время проводил в полях и объезжал границы.

Двумя годами позже, в 2140 году, произошло то, что должно было произойти. Йева часто возвращалась воспоминаниями в тот промозглый вечер, когда погода смогла сплести в одно целое морозящий дождь и сырой, колышущийся вокруг замка туман. Тогда Горрон де Донताल сидел перед большим камином в нижнем зале и с искрящимися от смеха глазами рассказывал какой-то особо пошлый анекдот, заставляя содрогаться от хохота весь донжон. После короткого стука в разбухшую от сырости дверь слуга сообщил, что от графа Филиппа прибыло срочное известие.

– Ну-ка, ну-ка! – сказал Горрон. – Что же произошло в Брасо-Дэнто, отчего мой молодой друг решил отправить гонца? Неужто повышенный приплод на кобыльях конюшнях? Или сухие цифры по яровым с успехом в долю процента? Или хвастается очередной водяной мельницей на реке Брасо?

С масляным взглядом Горрон подскочил из кресла, разорвал взмокшую от дождя бумагу и, победоносно помахав аккуратно сложенным письмом, принялся читать его в свете камина. Со смешками над родственником, впрочем беззлобными, он пробежал взглядом по тексту, произнес вступительное приветствие от Филиппа фон де Тастемара, как обычно замогильно официальное. И вдруг резко умолк... С его вечно сияющего лица сползла непроходящая улыбка, взгляд омрачился, а живые голубые глаза потухли – за один миг Горрон резко постарел. Йева в страхе поднялась с кресла, решив, что у герцога прихватило сердце, так быстро отлила кровь от его лица. Но Донताल, качнувшись от слабости, вцепился мертвой хваткой в подлокотник, удержался и стал читать дальше, в состоянии ужаса шепча отдельные слова. Основная часть письма начиналась двумя словами: «Крелиос пал». Об этом Филиппа известил посол Стоохса Ханри Обуртальский, который все-таки смог вовремя переметнуться на сторону Артрона Буйного. Граф Даббли фон де Ларгоон, сын известного военачальника Роршара фон де Ларгоона, захватил Габброс. Свихнувшегося Элуара Третьего триумфально протащили на привязанной к лошади Даббли веревке до самой стены, отчего король скончался.

Бывший герцог перестал замечать все вокруг, вцепился в послание и медленно, пошатываясь, ушел в гостевую комнату, где просидел перед холодным камином почти с месяц без еды и дремоты. Горрон де Донताल любил менять костюмы по два или три раза на дню, но за время своего добровольного заточения с письмом в руках он ни разу не переоделся. Горрон де Донताल любил разговоры, веселье и был энергичен, как мужчина в расцвете сил, но за месяц из его спальни не донеслось ни звука. Горрон де Донताल не представлял своей жизни без женской ласки и с игривыми взмахами бровей и ухмылочками частенько являлся к Йеве в самый неподходящий момент, но за тот месяц улыбка ни разу не появилась на его губах.

Через месяц Горрон де Донताल вышел из опочивальни: как всегда, веселый и улыбчивый. Но все вокруг понимали, что эти дни стали для него, возможно, самыми ужасными. Он похоронил собственное дитя, которому отдал без преуменьшения всю свою долгую жизнь. Конечно, он знал, что Крелиос рано или поздно падет. Но одно дело знать, а другое – увидеть буквально своими глазами труп ребенка. Тогда же похоронили и его верного слугу Гиффа, который мог бы прожить еще с пару десятков лет, благо природа наградила этого вампира на удивление отменным здоровьем. Но, переживая за своего господина, в один из дней, когда тот заперся в спальне, слуга схватился за сердце и умер на руках у брата.

После всего случившегося Йева открыла для себя, что Горрон, при всем своем напускном простодушии, наверное, самый сложный мужчина в ее жизни, умело прячущий от других душу и сердце. И пусть она была для него лишь мимолетным видением в его безразмерно продолжительной жизни, обычным обещанием ее отцу, графиня все равно прониклась к плутоватому герцогу особой теплотой и стойко терпела его подтрунивания. Конечно же, не без обид,

но терпела... И даже не подозревала, что Горрон, чувствуя в ее душе томление одиночества, делал это лишь с одной целью – взбодрить и растормошить.

* * *

Йева попросила слугу подать накидку и, одевшись в тонкий черный плащ, скрепленный серебряной фибулой ворона, вышла наружу. За ней последовали трое стражников, всюду сопровождавших ее по приказу герцога. Из совсем крохотного внутреннего двора, где вплотную к донжону ютились хозяйственные постройки, съезжая и без того тесное пространство, она по мостику перешла в город.

– Куда вы идете, госпожа? – с почтением спросил страж.

– К площадке Бразегмаут, Сэм, – ответила графиня и, перекинув медную косу через плечо, медленно побрела вперед.

Йева шла по кривым грязным улочкам, мимо мастерских, нищих лачуг, постоянного двора и плотно куталась в плащ, словно на дворе была не весна, а зима. Трое молчаливых охранников сопровождали ее и переглядывались, когда она этого не замечала. Ничего не видя вокруг, графиня свернула за домом с соломенной крышей на узкую улочку, которая привела бы ее на площадку Бразегмаут.

Когда Офурт не был объят туманом, а это происходило не так часто, как хотелось бы, она любила посидеть на этой площадке в одиночестве. Взором она терялась в той стороне, где находились Вороньи земли, и мысленно раздвигала горы, проникая сознанием в родной Брасо-Дэнтю. Графиня надеялась, что у отца, который пока не мог навестить ее, все наладится. По этой же причине она сама, чтобы не добавлять головной боли, в ответных письмах сообщала, что в Офурте все хорошо.

Когда-то давно Йева лежала в постели с Уильямом, который с упоением рассказывал о стройных сосновых лесах, о чистом и священном воздухе Офурта. Тогда же он, бывало, прикрывал глаза и шепотом объяснял, как пахнут разные цветы и травы, коих в земле вурдалаков росла тьма. Златовик казался ему самым сладким ароматом на свете. А уж если добавить в букет к этому желтому растеньицу и спокуюшку с фиалкой, то благоухание унесет в дивный мир грез даже приземленного человека! Воспоминания о шуме горных рек, полноводных весной и летом, заставляли рыбака улыбаться, и он убеждал Йеву, что хоть народ в Офурте и суровый, но сам край невероятно прекрасен и обязательно понравился бы Йеве, поживи она там хоть немного. И вот все вышло совсем наоборот...

Графиню Офурта встретили не стройные сосны, а мрачные и темные леса, не чистый горный воздух, а ощущение тесноты и сдавливания из-за расположения Офуртгоса в узкой долине. Даже тягучий туман, часто возникающий из ниоткуда, привычное дело для гор, лишь усугублял чувство одиночества.

Из-за угла каменного покосившегося дома выглянула старая женщина. Она проводила взглядом медленно бредущую Йеву, погруженную в мрачные думы, а затем последовала за ней, и притом очень живо.

– Госпожа, – позвала негромко женщина. Ее темно-синее платье с завязками впереди укрывала темная шаль, а в волосах цвета вороньего пера плясало серебро, мелькая то тут, то там из-под белого чепца.

Йева обернулась.

– Что тебе нужно? – спросила недовольно графиня, предполагая, что услышит очередные жалобы.

– Госпожа... Извините меня. Но я... Я помню вас! Вы тогда были на площади в Вардцах, когда Уильяма забрали в Солраг.

Графиня вздрогнула. Она поняла, что за женщина стоит перед ней: возраст и внешность совпадали. С тяжелым вздохом она махнула рукой охране: «Оставьте нас». После того как трое стражников решили, что полноватая горожанка совсем неопасна, они удалились. Тогда Йева развернулась и медленно пошла дальше, к площадке Бразегмаут.

– Ты Линайя? – спросила она через плечо.

Действительно, за ней по пятам следовала старая Линайя, понимающая, что столь могущественная графиня не будет прерывать свой путь ради нее.

– Да, госпожа...

– Чего ты хочешь от меня?

– Узнать про Уильяма, госпожа! Я вижу, что вы ничуть не изменились за много лет. Вы так же молоды, красивы! Быть может, и он остался таким же.

– Да. – Йева плотнее закуталась в плащ.

С удивлением Линайя посмотрела на бледное лицо графини, которая, как ей показалось, замерзла, хотя день был на удивление погожим для такого сурового края, как Офурт, а ветер и вовсе утих.

Наконец женщины ступили на площадку, полукругом нависавшую над необъятной пропастью, дно которой усеивали колючие кусты да камни. С Бразегмаутской скалы открывался далекий вид на обширные сосновые леса, раскинувшиеся перед городом. В последние годы, подходя к краю каменистого обрыва, Йева стала замечать за собой странное, тягучее желание наклониться вперед.

– Вы знаете что-нибудь об Уильяме? – поинтересовалась Линайя, замерев на почтительном расстоянии.

– Он сейчас живет в Ноэле.

– Ноэль... Я не знаю, где это... Но у него все хорошо?

– Наверное, да, – вздохнула Йева. – Я живу в Офуртгосе уже три десятилетия, но почему ты подошла ко мне только сейчас?

На округлое лицо Линайи легло горе, а глаза покраснели.

– На днях я похоронила своего мужа Генри. Я отдала долг и ему, и отцу и потому решила спросить вас, госпожа. Я рада, что у Уильяма все хорошо и он счастлив...

Чувствуя себя неуютно рядом с этой недовольной госпожой, красоту которой скрадывал болезненный вид, Лина поправила рукава. В лучах весеннего холодного солнца на ее руке блеснул знакомый браслет.

– Уильям что, вернул тебе браслет? – графиня впиалась взглядом в серебряное украшение.

– Да... – смущенно ответила Линайя. – Простите, госпожа, но откуда вы знаете о нем?

Йева промолчала. Бывшая невеста Уильяма, а теперь уже покрытая морщинами женщина, так остро напомнила графине о тех счастливых днях, когда она лежала в обнимку с рыбаком, а ее отец работал вместе с ним в кабинете, тепло общаясь, что ей сделалось нехорошо. Сложив руки на груди и впившись ногтями в локти сквозь накидку, хозяйка Офурта посмотрела куда-то вдаль, на восток, туда, где долина изгибалась, упираясь в горы.

За долгие три десятилетия Лина научилась чувствовать в людях то, что они скрывают. Она вырастила шестерых детей и собственными глазами видела, как малыши взрослеют, борясь со страхами, как эти страхи уходят вглубь их сущности и травят всю жизнь подобно яду. И вот теперь она различила на бледном лице графини и тоску, которой иногда предавалась сама Линайя, и страх. Это могла быть тоска по чему-то другому, но ей показалось, что именно слова об Уильяме нашли отклик в сердце графини. Да и откуда еще она могла знать о браслете?

– Вы любили его? – осторожно спросила Лина, боясь навлечь на себя гнев.

– Да, – сдавленно ответила графиня.

– Но почему вы не вместе? Вы ведь такая же, как он? – пожилой женщине вспомнились острые клыки, и она с рассеянным видом сделала шаг назад.

– Тебя, обычную селянку, это не касается! – неожиданно вспылила Йева. – Я тебе не сестра, не мать и не подруга, чтобы ты смела задавать такие личные вопросы!

Из-за деревьев к площадке спустился молодой поселянин, лет двадцати на вид. Немного полный, но с виду смирный, добрый, он нашел глазами Линайю и облегченно выдохнул. За его спиной высились на целую голову стражники. А внизу, из-за его ноги, выглядывало совсем крохотное дитя с ясными, невинными глазками.

– Матушка! А мы тебя все ищем, – возвестил сын Лины и Генри.

– Извините меня, госпожа, за глупые вопросы... Я не хотела сказать ничего дурного в вашу сторону, – прошептала Лина.

– Прочь! И не смей попадаться мне на глаза! – прошипела Йева.

А потом укуталась в плащ и чинно прошла мимо старой женщины, заметив, как к той на руки полез ласковый внук и принялся целовать ее, расстроенную, в щеки. Отчего-то Йеве вспомнился Базил с его попытками заменить отвар против беременности обычным настоем из златовика, смешанным с кровью. Быть может, тогда она была слишком жестока к сыну старого управителя и нужно было дать ему шанс? Но теперь слишком поздно...

В отрешенном состоянии графиня вернулась в замок, где обнаружила собирающегося в путь герцога. Когда Горрону де Донталю что-нибудь взбрело в голову, он осуществлял это молниеносно и не терпел задержек.

– Вы так быстро покинете Офуртгос? – застыла графиня, прячась в накидку. Ей казалось, что в замке стало холоднее, чем снаружи.

– А чего медлить? – Горрон наблюдал, как слуга Роллан осторожно складывает одежду в вещевой мешок.

– Надолго задержитесь в Нозле?

– Думаю, что с полгода... Как раз успею на суд.

– Разве сир'ес Мариэльд будет рада вам на такой срок?

– Конечно же, нет! С чего ей радоваться? Но мне, как равному, она не сможет отказать в гостеприимстве! – хитро сверкнул глазами Горрон. – А я, в свою очередь, поговорю начистоту с молодым графом и все разузнаю, чтобы успокоить Филиппа при встрече.

– О чем вы, Горрон?

Присев на край кровати, Йева тоже посматривала на старые, но ловкие руки слуги, всегда молчаливого из-за отсутствия языка. Стоя на коленях, Роллан делал вид, что не слушает разговор двух господ, и ретиво упаковывал вещи герцога.

– У твоего отца есть некоторые подозрения в отношении Мариэльд. За последние тридцать лет он, безумец, снарядил три отряда в южный Нор’Алтел, на другой край мира. Чтобы ты понимала, это обошлось ему в разорительную сумму.

– Сколько же?

– Больше двадцати тысяч даренов!

– Но зачем? – Йева охнула.

– Он до сих пор не может смириться с потерей сына и считает, что Мариэльд приняла нашего рыбака в свой род не по причине долгого одиночества, а из корыстных целей. Потому вдолбил себе в голову, что следует разыскать того самого Зостру ра’Шаса, мага, который доставил мешок с шинозой. И поговорить с ним. Я пытался переубедить его, Йева, взывал к гласу разума! Однако Филипп уперт и страдает от вымышленной им самим теории заговора! Но я съезжу в Ноэль, все выясню и успокою этого твердолобого барана! Хотя даже с доказательствами на руках это дело будет не из легких... Ох... – Горрон закатил глаза и горестно ухмыльнулся. – Мне порой кажется, что дар каким-то магическим образом привлекает к себе определенного наследника. Либо потом меняет носителя под себя.

– Не совсем понимаю вас...

В задумчивости Горрон пригладил гладковыбритый подбородок, завалился на кровать прямо в сапогах и почесал живот через бордовый кафтан. Йева знала, что сейчас услышит длинную-предлинную историю из давних времен такой же давней жизни, и потому чуть придвинулась к своему наставнику и любовнику, к которому успела привязаться.

– А ведь мой брат Куррон тоже был невероятно упертым бараном, Йева. Когда мы основали Крелиос, соединив некогда враждующие между собой племена орун, брат отказался ехать на север.

– Он же остался в Перепутных землях защищать границы Крелиоса.

По губам графини пробежала легкая улыбка, когда тонкие пальцы Горрона взяли ее руку и начали поглаживать.

– Это всего лишь отговорка, – ответил герцог. – Куррон терпеть не мог дворцовых интриг и всего, что касалось политики. Там, в Брасо-Дэнто, на тогда еще голой скале, ему было уютнее под проливным дождем, чем в теплых постелях с женщинами.

– Но как это вяжется с тем, что вы сказали о даре?

– Потому что через двести двадцать один год, в 806 году, он взял к себе в замок сына своего старого друга – Эйсмонта. Куррон воспитал его, а после, не посоветовавшись со мной, передал ему дар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.